

САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА • SACRAL LINGUISTICS

Олег Ермаков

АД КАК ОН ЕСТЬ

Суть и устройство преисподней

Hell as it is. The essence and structure of the nether world

*Что жаждем мы, люди, свободы — перст Божий:
Свобода есть Бог, наше Я. Быть нам в Ней —
Дóма быть. Быть лишенным Ее — падать
в лоно страданья, чье имя есть ад.*

Все тайны Мира и Луны. Книга «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», скачать:
All mysteries of the Universe and the Moon. The book «Planet Love. The basics of the Unified Field theory», download:
[https://www.academia.edu/2475366/Planet Love. The basics of the Unitary Field theory in Russian](https://www.academia.edu/2475366/Planet_Love_The_basics_of_the_Unitary_Field_theory_in_Russian)

Киев — 2014

Что же есть ад? **Ад – Ложь, тьма: за Истиной, первой Реальностью Мира – вторая как Рознь без иного.** К реальности глаз ад причтен, как тлен к Вечности Богом, Творцом их. Как в **Тантре лекарство и яд, Ноль** и Два¹, рай и **ад** в Сущем смежны как Тьма, Суть едина, и дом их – **Луна**: рай внутри у нее, ад – вовне. Как дом ИстИНЫ, сатиям (**санскр.**), **Луна** есть Глубь, **IN'**ое как **Лоно**, **ИНь** (кит.): **рай**, дом Бога – как **Высь**, ад – как **Дно**, в Глуби кои **одно**². Так, подземны, чрез стенку едины Элизий с Аидом, столп чей Персефона – Луна в мифе. Бога престол, Луна с тем – и чертог князя тьмы: **Огонь и тень – суть Одно**³. Тени явь, **ад – примысленность** (**addition** (англ.)): зла к Благу, к Субстанции акциденции, к зримой Земле подземелья, тьмы к Свету, ничто ко Всему. С тем ад – **смысл переносный**, второй за **прямым** как за Истиной – в нуль ее вынос, тень. Смысл этот, **Двойка** – раскол слова с делом, погибель людская. Мир древний не ведал его, с тем – и ада, **обитатели мук** (слово «**пекло**», ад нынче, у древних Славян значит рай⁴), и единственным смыслом тогда был **прямой, Слово-Дело**: единство как **Ноль**, **Монолит**, Суть нагая, где дело – безмолвное слово, а слово – реченное дело. То – магии корень, **Всесилье**. Так Словом **как Делом Творца** создан мир, так нелживо **глаголит дитя**⁵. В мире нашем дуал этих **смыслов** – **Платон-Ares'** тотель, грань спада от Истины в Ложь: от Луны, Солнца Вечности, в солнце, огонь бренья, от Сердца в пустой Ум, от Выси ко Дну⁶.

Ключ к познанию ада – деление Тьмы как Ноля без иного на Ноль и иное ему: Двойку, Рознь. То – две Тьмы из одной: Тьма как Тайна, Субъектность, и тьма как объектность, явь брeнная наша. О них рек Паскаль как двух безднах, меж коими суц человек: Бесконечностью и Ничто. Первой Суть – Бог: Sat, Истина сущих; второй – **Сат|ана**, тень Его. **П|оль Ла|ф|ар|г**, рекший: «Ад мог быть придуман только людьми и для людей, снедаемых ненавистью и жаждой мести», – прав в том, что граница объектности, крайняя **пад|шести** степень, какой есть ад, с нами едина: нет нас – нет ее. Но и зрить *от нее* – верно: в Двух (1 + 1) единица любая – начало, коль чтем от нее.

Для немудрых ад – вымысл, и мня его им, они, в сути, его соотносят с ментальной (мысленной) сферою – миром свободы, по Канту. О нет! Тюрьма, ад – не свобода (мнят ей его *умники* – адовы дети, мысль чья – Ум Ума, эгоист: имманентность, ад чистый); не внутренен он – он вне нас, он не нумен – феномен как то **объективное**, кое одно лишь и чтит атеист за факт (*имя презренное: чтить факт, облатку, за Суть* – как феномен за нумен – *вершить есть соитье со злом*

как раз|врат в смысле строгом: фак|т = *fuck, e...ля*). С тем и зовет его Библия «внешнею тьмой», «объективной истиною» по слепцу сему (ведь Бог есть Очи нам: Его лишенный — слеп), а по Бердяеву — «смертью существования» (об Авици как аде дурной непрерывности, пытке Сансары, где люди, умерши, рождаются немедля, **без отдыха в Том**, — говорится согласно с сим, что место это «никогда не находилось в А|мен|ти [посмертном Осириса царстве, Тьме-Сердце — Авт.] или в каком-либо другом субъективном состоянии»; А|ви|с|и в сути — не-Тьма: Два — не Ноль; смерть — не Жизнь; Ум бессердный, облатка-нуль). С тем-то, чем дальше от Глуби очами бежим мы вовне, тем реальнее ад как плод личной, поистине **нашей** ошибки. Страданье и радость — всё в нас, Мир вместивших. Понятие «ад вообще» ложно — есть лишь **ад наш**, что и есть в существе столь сурово клеймимая атеистами «субъективность» (то знал Лев Толстой, о всех семьях сказавший, что счастливы они одинаково, а несчастливы — на свой, особый манер. Книга Мертвых тибетская, рисуя ад, говорит: он — плод наш (проявленье, «бардó»), и себе палачи — сами мы). Но ад наш — с тем и общий: ведь сущее нам — сущее в Мире как Доме всех сущих, сосуд (микрокосм) чей мы, часть сего Целого. Ад — дом сбежавших от Глуби, и созданный бегством сим; древние — ада не знали, быв с Глубью одно. Ад есть общее то, коим скрыл Аристотель Единое: Сердце — бессердным Умом; но, таков, ад един как сама личность наша, из коей как Мира (ведь Глубь — он) извергнут вовне мир сей злой.

Ад зовем пре|испод|ней мы, сиречь под|дон|ом («ис|под» — дно (стар.)), дном ниже дна очей бранных, — область онтологически-нижайшая. Но нуменально она пребывает поверх плотной, или физической, сферы как крышка

ее, грань меж плотным и тонким мирами как оба сих разом и, с тем, ни один из них: *чистое мировое количество, тьма*. Посему-то нетонкую и неплотную эту область зовут «тьмой кром | ешною», сущей как кром | ка меж сими двумя, скорлупа для обоих — К | лип | пóт, «мир скорлуп» без их сутей живых.

*У ада, юдоли посмертных страданий людских,
есть конкретное место, где сущ он — Луна. Рай и ад,
Бог и Дьявол едины в ней как Огонь и тень.*

Для душ, в смерти стремимых в Свет (Тьму горню, Огонь-Мать), мир Дна есть *чистилище*: фильтр к снятию тьмы, тяготящей полет их. Фильтр сей в Православии — бес | ы различных родов, что мыт | арством от душ отмывают грехи (оставляя без них: «бес» — лишенность, ничто) по родам сим в воздушной стихии, второй за земной (*князь сих орд, Сатана есть князь воздуха (Еф. 2:2), слуги его — поднебесные ж, сиречь воздушные, духи (Еф. 6:12)*), итог чему есть ч|ист|ота как согласие Ист|ине (Орфики и Пифагорейцы зрили чистилище тeneвым конусом («бездной Гекаты», Луны, бывшей Грекам одно с Персефоною и Артемидою — и, с тем, трехликой), влачимым Землей точно ш|лей|ф, до орбиты Луны. Глуби, Тьмы тень, чистилище — Два пред Нодем как врата в Чистоту, чрез какие про|ти|снуться — чистыми стать, Зло с|тес|ав о мечи: пробудиться к Добру). То — порог горних сфер надтелесный склоненным пред Богом, Единым; для тех же, царь чей Дьявол, мир сей — врата в подтелесный возмездия мир, *Дно Дна*, склеп рабов Двух. Такова есть *иллюзия, суть его*: в чистых очах она *то, чего в принципе нет*; в мрачнозрящих — она *принцип их* всеохватный, страна без границ.

Ад — дом смерти, ведь время со смертью одно (как пространство, огонь — с Жизнью); число ж смерти — Восемь. С тем, учат Индийцы, он есть восьмерица сфер истинных мук, именуемых также кругами. То — область отринувших Мир эгоистов, влекомых в чертог сей подобьем ему (уму в розни его — Рознь и дом) и остающихся здесь тем дольше, чем глубже (в понятии внешнем: глубь адска — не-Глубь, нуль пред Глубью, Нодем-Тьмой) падение их. Находиться на Дне — есть быть мертвым в понятии чистом, *неведомо сколько* (ведь смерть, как не-Жизнь, есть не вечность — безвременье: время застывшее, забыв конечность свою); пребывать выше Дна в брени — быть относительно-смертным: ко смерти причастным как скрепе меж жизнью, единство каких — брениа круг, управляемый Луной: Тьмой —

тьма (смерти чужды (с тем — рожденья) лишь сути Духовного мира, в бессмертности чужды страданья, единого с нею).

Ад — область страданья, нуль радости: место, откуда изъята она как из плоти душа. «Безрадостными называются эти миры, окутанные крошечной тьмой, // к которым приходят, умерев, эти незнающие, неразумные люди» (Брихадараньяка-упанишада, IV, 4,11). Сказано также: «Асуроподобными [подобными демонам — Авт.] называют те миры, // Что окутаны крошечной тьмой. // Уходя [из этого мира], к ним приближаются те, // Кто убил свой атман» (Иша-упанишада, 3. Здесь «убийство атмана» — *убийство его в очах наших*, над ними ж — бессмертен Атман). Радость, с Богом едина, есть истинный О|пти| мум наш: в ней как пти|цы парим мы легко. С тем, ад есть максимальность отшествия от сей Серед|ки — неважно, куда: Серд|це, Бог — Центр, иное окольно ему; ад — окольности край, Ум Ума как в утрате Господь. И не дивно, что холоден ад скандинавов, а ад христиан горяч: оба они — ад один: ведь *страданье есть то, что не знает середики себе — Меры, коей есть Бог*. Ме|ра-Ра|дость, Господь с Сатаною-ст|ра|дан|ьем едина как бублик с дырой от него: тело — Бог, пустота от него — Сатана. Посему плод контакта плоти и с чрезмерно горячим, и с хладным чрезмерно — един: то — ожог (ведь Тьма — Огнь), омертвленная ткань.

Дом страдающих, материальный мир зовется «тюрьмой творения»; верх матерьяльности (Дно — Высь навыворот) как абсолют ее, *ад — тюрьма тюрем*. Господь-Абсолют — Всё, Единство; ад — нуль, анти-Всё, Рознь как суть. Он есть тело особое: в зримости внешних глаз — целое, в сути ж — куски, не сплотимые между собою как *бомба в состоянии перманентного взрыва*: взорванная, но не распавшаяся цельность, коей есть ад: единица как нуль в существе. Ибо нет ничего единящего ад изнутри. Мощь, храняща его, жмет извне, как вода на ту бомбу, что, в глуби взорвавшись, не может распасться: то — длань Сатаны, свой крепяща престол, в сути ж — *Бога рука в роли сей* (Сатана — Бога роль, маска): брения ось, имманентный столп — ад как тюрьма, коей быть, доколь суще оно⁷.

*Ад — посмертье всех тех, кто поставил на часть презрев
Полноту, на ум — изгнав Сердце, на знание — Веру поправ.
Ад есть Яд. Он — наш собственный выбор, и помни любой:
чуждый Неба при жизни — с концом ее рухнет во прах.*

Расщепленность ее на фрагменты есть плод отсечения от Иерархии Мира, вершимого Князем. Разъятая с целым, разъемлется часть тем в себе; части ее, родясь так — друг другу враги. Бой их — битва бессердных, царь коим сильнейший, покуда силен он. Согласия нет в мире Дна: где рознь правит — Единый забьт.

Дна́ дух — дух отрешенности, коим пленен эгоист. Таков горьковский Сат|ин из пьесы «На дне»: он, поющий хвалу человеку (Сат, Истина — Бог, Сут|ь) — поет отрешенье: кумир сей безбожен, мня Богом себя. Таков Сатин сам. Пьяница, он духом внешним пленен, Сат|аной, коим есть винный дух эгоисту (Бог — Глубь, Дух-Внутри). Мятеж Сатина пуст: сей певец — принцип Дна воплощенный, на дне — дома он. Дном и Горького мир был безбожный: мир-гор|ечь, юдоль гор|децов; и писал он: «моя задача — пробуждать в человеке гордость самим собой, говорить ему о том, что он в жизни — самое лучшее, самое святое». Но истинно свят — Бог единый. Трагедия чистых людей как солдат революции, пиршества Двух — рознь их плоти с душой, их губяща нередко чрез умственный либо сердечный разрыв (как инсульт и инфаркт) либо пулю, пущенной ими в час рвущей сей муки в главу (ум) иль сердце свое.

Обделенность свободою — главное, а в существе и *единственное* страданье всех падших в ад. Ибо *любое страдание — суть несвобода*; плен адский — вершина

ее (поэтому «стенать», слово сей муки, идет от латинского *stenos* — узкий, суть **тесный** (отсюда «стена» как помеха свободе, препона); слова «**тесн|ота**» и «**стен|анье**» едины основой своей, коя — знак тесноты. Теснота повергает нас в ужас, что ведомо всем застревавшим; боязнь безысходности — клаустрофобия, к коей толчок одиночество). Страданье — то, от чего цепенеет плоть наша (о том в своих «Опытах» пишет Монтень. Вспоминая сказание о **Ни|обе|е**, которая, потеряв семерых сыновей своих, а затем семерых дочерей, обратилась в скалу — «*Diriguissse malis*», «Окаменела от горя», — муж сей говорит: «И, действительно, чрезмерно сильное горе подавляет полностью нашу душу, стесняя свободу ее проявлений; нечто подобное случается с нами под свежим впечатлением какого-нибудь тягостного известия, когда мы ощущаем себя скованными, оцепеневшими, как бы парализованными в своих движениях, — а некоторое время спустя, разразившись, наконец, слезами и жалобами, мы ощущаем, как наша душа сбросила с себя путы, распрямилась и чувствует себя легче и свободнее. // *Et via vix tandem voci laxata dolore est*» — «И с трудом, наконец, горе открыло путь голосу»). Несвободным быть хуже, чем умереть, ибо смерть мгновенна, а несвобода длительна. Смерть, переход, нам свободу сулит; плен, коль полн — ничего. Несвобода — **про|цес|с** (**Кес|арь**, **Князь**, — гёний чей) перманентной кончины, где всякая точка стези этой — смерть: **пленный — мертв много раз**. С тем, нередок пожизненный узник, молящий о смерти в замену тюрьме.

Пленным Дна — страдать должно; сему служит тело их — *тело страдания*. Суть его зрим из того, что страдания н|е|р|в есть душа, человечности суть. Если дух, сущий в теле частицей Свободы, сверх уз и страданий чужд, — узы и бремя души есть *желанье*, влекущая сила ее, чье свершение есть *действие*. Плотный мир сей разрешает его: мир трудов, для него он назначен, имея и место вершителю, и инструменты ему. Донный мир — казе|мат, запретивший труды теснотою пространства, где можно лишь быть — бытие ж есть покой, — и к тому сотворенный. Вот сущность страданья души в аду: он ей *покой-без-свободы*, насильственный, вяжущий по рукам и ногам. Покой этот противен неделанью Духа-Свободы как плоду Его *добровольного отказа от деяний* (как многости, Двойки: Свобода — Деянье Одно; от тьмы дел отрешась — творим Всё). И телá душ, держимых в аду, есть тела пребывания, к деяньям не годные. Они лишь в жалком зачатке имеют конечности. Зренье их к свету — нуль, тьма: они слепы как *зрящие мрак*, сердце ужаса, — к чему даны им *глаза крота*, чуждые света, зрачка не имея ему, а для мрака — всецелый зрачок. Тела эти бесчувственны, мысля под тем *многость чувств* (коих людям нам, сутям Пяти — пятерица дана); да и в мире сем те, кто томим в склепе тесном, с активностью членов теряют за невостробованностью и способность многообразно ощущать, зная чувство одно — плена гнет⁸.

Так приходим мы к главной черте тел страдания, вот она. Если тело привычное наше дано к ослабленью страданий души в мире сем как смягчитель их, — адское тело, напротив, есть их *проводник*. Так ожечься об огонь не даст ручка из дерева, железная же — ожжет вмиг. Так на адских жаровнях стенают и корчатся души в *железных телах*.

Телá ада — *безликие*. Лица их с ходом ко Дну размываются: Тьма есть Вода; телá ж в целом, теряя привычную нам многовидность, стремятся стать шаром. То в корне противно сферичности Духа как форм превышенью: *безликость — запрет лицам быть*. Так, биясь друг о друга в волнах, камни берега стра|дают, стира|я в покатость различья свои. Дух сверхформен, а пленник в аду — недо-формен как формы лишенный (шар есть форма Мира — не наша как части пустой его: с Миром разъятой очьми эгоиста), в чем адова кара: с утратою формы теряем мы, люди, *характер, огранку свою*.

*

Ад — дом Розни. Но он есть и зданье, имущее клей свой. То в нем — *смерть, ничто*, дом чей ад; утверждая, что нет ничего единящего ад, мы и мыслили это ничто, кое *есть как не-сущее*. Клей этот чистым очам, кои *видят* на равных не-

сущее с сущим как Бóг, их Основа, — реален как всяк сущий клей, и он есть *вещество*. Мысля зорко (ведь мысль — очи нам), уясним это мы.

Возьмем ряд разных ядов, принятие чье влечет смерть. Сколь ни разны они, есть одно, что роднит их: то — *смерть*, внесоставна конкретному яду как некая примесь к нему — вещество, суть *отдельное* то, что во многом являет единый эффект (так в тьме яств сахар — сладость едина). Представим процесс, выделяющий эту добавку из сущих смертельных веществ. Итог его есть *смерть как субстрат* — явь очей зрячих, как явны зрячему сахар иль соль.

Так вещественны в Мире *идеи*. Андреев в своей «Розе Мира» ведет речь о похоти, что, оставляя наш мир, где явилась она, проступает с другой стороны, на поверхности мира с ним смежного как маслянистая жидкость (в обилии, созидающем реки, текущие, как и известные нам). Ибо всякое качество наше имеет свой строгий субстрат, где идея — материя, суть *то́, что есть*. Знание истины этой — основа искусства приготовления ведовских снадобий, из коих любое, по сути, являет собой некую целенаправленно выделенную — и истинно *зримую* (с тем — осязаемую, обоняемую, вкушаемую) — магом модальность природы людской.

А коль так, — мы, зря в Духе (ведь мысля так — в Нём мы), должны неизбежно признать, что таблица химических элементов, знакомая нам, далеко не полна: кроме сущих теперь, там должны быть еще и особые клетки для зависти, скупости, страха и прочего. Ибо что́ есть вещество? И с позиции химии (труппа алхимии древней), оно есть *простое*, а с тем и отдельное в сей простоте. Но все качества, что мы назвали — просты, ибо ясно отделены от прочих. Таков есть салат между яств с точки зрения нашего различителя, чувства вкуса. Последнее — кое не купность, как мыслят обычно (сложения чуждо оно), но *монада*, состав не имуща — не лжет нам: всяк род отстоящ, зримый так богодаденным чувством — монада; физически слóжен, он истинно — прост простотой *элемента*: ведь Дух как Одно — суть отдельности сей! Таковы в очах древних стихии Вселенной: огонь из них «то, что сияет-печет», воздух — «то, кое веет», вода — «то, что течет», земля — «то, кое твёрдо»; отдельности эти, всеобщи, есть Мира столпы: элементы, *тела*. Ибо знала Античность: *телесным есть все, что телесны мы видим*; различное это — едино в основе своей, коя — Мир, Тело тел и очей наших Суть.

Элемент, тело, вещь — есть отдельное. Коль это так, — откровенья Индийцев об океане самосущного, сиречь *элементарного*, молока, плещущемся на некой райской планете вовек не сворачиваясь и без намека на стадо коров, произведших его, о деревьях, родящих любые плоды — не нелепая сказка; слова Александра В|ерт|ин|ского о ведре спермы, что дал Бог мужчине на жизнь, сей *конкретною*

малостью веля ее поберечь — не есть шутка. Ведь автор сей жидкости — Бог, а не мы; молока не корова творец — Он. С тем, сути сии — вне родителей ложных своих, *сущи в Нем*. Будь то плоть, будь идея — отдельное материально, ведь *Мира Матер|и|Я — Дух*; и коль так, то идеи как части Его — все телá есть; тела, все как есть — *иде|альны* как данные в *|иде|т|ь* нам: очьми ступать (в переводе идея и есть «то, что видно»). В «Тимее» Платон рек о том: «всему, что имело произойти, надлежало, конечно, быть телесным, видимым и осязаемым». *Вещи, идеи — телá равно: то, кое зрится-и-есть* (ибо зрится — быть: очей лишь ради суц Мир, как они — для него).

Смерть — *есть*, и притом есть *отдельно*, и с тем *элемент* она и *вещество*, Мира клей небытийный: промежное Этого с Тем; грань меж Явью и Тайною — смертная грань розни их и единства. Смерть — клей, адский мир единящий, с тем — клей очезримых миров, от него производных и сутью имущих ад, тайный питатель их. Страны тиранов земных — миры эти. Таков строй Советский, стяжавший бытье гекатомбами боен военных, возросший на крóви безвинных людей. Глуп, кто мнит войну эту злом внешним: война как добытчик смертей пребывала в Системе с зачатья ее. Бывшая до того геноцидом как внутренней бойней, — в миг, избранный Князем, она, выйдя вон, притянула Систему иную, без коей идти не смогла бы. Война, кою Сталин и Гитлер свершили, была их *соутием: любовью, взрастившею смерть*. Такова злая *стр|ась*: в ней, губя все живое, смерть *стр|оит* себя. Смертью — жив черный строй, она пища его, кою он без конца добывает, лишившись же — гибнет, распавшись легко: *смерть едящий — сам пища ее*.

Бомбе атомной, дабы взорваться, потребен *у|ран*⁹ в массе должной, критической. Адской системе для жизни потребна *критическая масса смерти*. Возникнув, творит она взрыв перманентный, «живящий» строй сей (ведь смерть мертвому — жизнь), тем включая процесс поддержания его: добывание смерти враждою чрез войны и геноцид. Так кусок щелочного металла, упав на лед, плавит его, добывая к реакции воду.

*

Таков в главном ад.

¹ Тьма и тьма как Всеведение и неведение, Единство и Рознь: в существе — Тьма одна.

Служа Бытию-Единиче причиной, Ноль-Небытие — Тьма, Вода Мира — огонь сей объемлет собой (как причиной объемлемо следствие) и проникает, входя в сей сосуд Двойкой, парюю Вражда-Любовь, кои — Тьма суть. Вторая за Богом, Тьма-Ноль, суцх Мать, есть причинная, вышняя Тьма; Тьма как Двоица — следствие, Тьма-в-Бытии как вторая за ним. Зря меж ними Бытье как черту, должно зрить в них две Тьмы, кои, сутью Одна¹, друг ко другу зывают². Чтя Тьму как Причинную Суть, ее должно, в себе не деля, зрить как Ноль, с Единичею союзный, как слиты

они в Десяти, Мире. Тьма-Ноль есть Женская Суть (как Гинандр), и, последственна ей, Двойка — Женщина; Ноль — Мать, а Два — д|шер|ь, что шер|ится оку провалом. Ноль, Дви|га|тель Двоицы, г|лад|ок, шер|шавы — Два. В женской плоти оба — вульва, наружные коей уста как Диада (лик чей своей рознью являют) таят кольцевые врата — лик Ноля, чей привратник к|ли|т|бр — в суги Фаллос-Покой, Единица-Свет, сущий при входе в Тьму-Ноль.

Ноль, как Тьма сверхбытийная, Двоицу, Тьму-в-Бытии, созидает чрез грань О|дно|го-Бытия. Не Одно сие — Ноль творит Двойку; и, суща над ней, Единица объемлема Тьмой с двух сторон, точно молотом (0) и наковальной (2), подвластная им³. Так-то Нут, Тьмы богиня, звалась Египтянами «матерью того, кто создал ее» — Нодем как Одного матерью, *как бы* творящего Двоицу, коя — Тьма та же. Единство двух Тем утверждал Аристотель невольно (ведь Тьмы, раб ее, слеп очьми под Очей сих пятый, он не ведал), уча о единстве идей и вещей (на основе вещей, Э|том): Тьма есть обеих суть; и по Платону, два царства сих Тьмой сплочены как Душой мировой (Тьмы не зря, сего Клея не зрил Стагирит у учителя, Мир его Рознию мя как без Связи Двумя).

Ноль и Двоица, Тьма внебытийная с Тьмой-в-Бытии, относимы друг к другу как веденье и невежество. Первое, как Атман, есть по Сократу, *незнание*, Питатель ума; по Кузанскому, оно есть *ученое незнание*; и сказано Сурешварою, что Не-Атман, иль невежество, как плод незнания — Атмана, как скажем мы — суть то ж незнание: Два и Ноль — суть Ноль, Тьма. Как Тьмы пора, ночь являет невежество первою, дополуночною половиной, итожащей сутки: в ней лживы сны наши; а ведение — второй, зачинающей их, в снах правдивой: Второе очей бранных — Суть.

Ноль со Двоицей между собой соотносятся как древо Жизни и древо познания добра и зла: оба растут *в центре рая* как *древо одно*. Г|ре|х Адама и Евы есть в том, что *открылись глаза их*, пред тем к Миру слепы, явив тем возможность *увидеть* единство сие, кою дал им Дьявол, глас Матний, как шанс стать богами, *открыв правду*, кою Отец хотел скрыть (Быт. 3:1 – 3:22).

В сем мире матерь|я, приемница форм по Платону, есть тьма-оттиск Тьмы: Два — Ноля, Тьма-покой — Тьмы-Движенья, пассивность — Активности, коей жива она как Дух в утрате и в кою переходит, стяжав этот Корень. Так, узнав в себе воду как суть, тает лед, не-вода.

Тьма-Ноль есть Очи Духа как Вёденье; Тьма-Двойка — очи плоти, что, отдельна, невежество есть, а открыта Нолю — Тьма ко Тьме — мост, каким Тьма стяжает Себя как Одно-без-второго, мы ж — *видим* постольку, зря то, чем мы Есть: Бог-и-Мир, Цель-и-Путь.

Тьму как суть двуединую зрим мы в *Свободе*: как выбор вершимый она — Два, как выбор свершенный — Ноль, в Боге Свобода: ведь Бо|г — Вы|бо|р наш.

Тьма, Причина — Г|р|уд|ь (греч. ma|stó|s) сущих. Ноль-Двойка: Свобода как Ноль, а как Двойка — Долг (mu|st — англ.), в Свободу мост нам и Свобода сама тем, кто знает его, зря очами Ноля. В Долге зрящий Свободу — Ноль с Двоицей слив в Тьму одну, Мáст|ер есть.

О единстве двух Тем учит Тантра-Мать нас: просветленье, иль освобожденье, по ней, достигается не искорененьем страстей и желаний, но отождествлением их с трансцендентною Мудростью: Двойки — с Нодем, Корнем-Тьмой. Стагирит, сведши в вещи идеи — Высь в Дол, — свел противно Ноль в Двоицу: в следствие — горню Причину его, Полность — в нуль.

О двух Тьмах сущих, Двоице и Ноле в их единстве как Яви и Тайне Ксенофан говорит как о двух границах Земли — верхней, подножной для нас, что касается воздуха, и нижней, údущей в бесконечность (to apeiron). По Аристотелю, нравственное воспитание есть воспитание неразумной части человеческой души — претворенье невежества-Двойки в Ноль-Мудрость как разума Суть, мо|ментальное в Тантре: ведь то и то — Тьма⁴. У Я. Бёме Нодем есть Свобода, природа же — Двойкой (как парою Мула|пра|крит|и—Пракрिति Индийцев); и первая противоположна второй, от нее производной. Свобода-Ноль, Природа-Корень (санскр. му|ла) есть *личности* суть; *индивида* — природа в Природе сей, Двойка⁵.

¹ Так Хаос рождает Тартар пред иным как *свой внутренний полюс — второе себя*, и два эти — одно, Хаос, суть (*полюса, на кои разделяется он — небеса есть, и Тартар есть нижнее небо, симметричное верхнему относительно средней меж ними Земли, сиречь равноотстоящее с ним от сей срединной, — чему подтвержденье строка «Илиады», где Зевс отстояние это определяет как «вниз от Аида, насколько земля от небесного свода»*). Точно так, по учению Наг|ар|джуны (Индия, I — II вв.), Сансара — как Двойка «рождение-смерть» — и Нирвана с позиции высшей, Нирваны-Ноля, есть всеполю одно.

² «Abyssus abyssum invocat in voce cataractarum tuarum» — «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих» — сказано в Библии о Божьем величии (Пс., XL, 8). Тьма тьму зовет и питает собой. Так две бездны, разверзшиеся в эсхатологизме германской (почти целиком философской) и русской (писательской в своем преимуществе) мысли — каких нету боле нигде той порой, — друг ко другу воззвав, родилу две сестры-революции и две крупнейших в истории мира войны, в коих бездны сошлись эти в страстном объятии («Предельные проблемы и предельные срывы раскрывались лишь в германской и русской мысли», — сказал Бердяев). Тому, что как бездны они равноможны, знак ясный — оценка врага начальником австрийского генштаба времен Первой мировой войны генералом Кон|рад|ом фон Гетцендорфом: «Русских победить невозможно, но и самим русским трудно стать победителями!».

³ Волей Божьей, слова «молот» и «наковальная» есть лик двух Тем: «молот» являет Ноль буквой Тьмы «м», в нем начальной; ступание «н» беспромежно за «м» в алфавитном ряду — связь Причины, Ноля, с Двойкой, следствием. Мать как Ноль, на бумаге

начертанный — Двоица, зна|к как второй за Нолем; Ноль сáм, Д|вь вместо сна сего — брению Тáйна есть. Суца меж Мо|лотом и Нако|вальней, Нолем и Двумя, Единица — в их власти, но с тем — и отдельна, как меж мощных стран — остров малый Мо|нако, земля-ди|ди|пут.

4 Прабога Аристотеля на сей предмет при иных заблуждениях в нем же — не дивна: Ложь, суть сего мужа, себе не верна.

5 О том сказано у Бердяева: «индивидуум есть категория натуралистическая и социологическая. Индивидуум рождается в родовом процессе, принадлежит природному миру. Личность же есть категория духовная и этическая, она не рождается от отца и матери, она духовно творится, осуществляя Божью идею о человеке. Личность есть не природа, а свобода, она есть дух».

2 Ибо Истина — Ложь окружает, объемля с обеих сторон. Таково само слово ее. В Ведах сказано:

Оно [слово «сатиям», истина — Авт.] трехсложно: са-ти-ям. «Са» — один слог, «ти» — один слог, «ям» — один слог. Первый и последний слоги — истина, в середине — ложь. Эта ложь охвачена с обеих сторон истиной: истина становится преобладающей. Тому, кто знает это, ложь не причиняет вреда.

Каушитаки-упанишада, V, 5, 1

Луна как дом ада — конкретный ответ на разящий вопрос атеиста о месте (физическом пункте) его, посрамитель безверья: *в Луне, центре зримости всей, Дух, Абстрактное, коего явь ад, — Конкретное: Два — есть Одно.*

Как престол князя тьмы, Луна — «Мастера и Маргариты» начальник, над действием книги царящ. Имя Воланд — тому строгий знак: *Сатана, Воланд — Во-Лун-д: в Луне суций как ада царь.*

3 Бога лунность — Луна как Корова-В|селен|ная, Мать суших (Нут — Египтянам, Славянам — Зе|м|ун; и т.д.), Им чре|ва|тая, суцим в|нут|ри у ней. Луна в Исламе — трон Господа: месяц при Нем как звезде на штандарте зелен|ом. Знак ада как лунности — тьмы лик Геката: по Грекам — Луна самое (как с ней вместе — Селен|а с Латоною и Артемидой).

4 Дом Всевышнего, Солнца, пекущего там. О земле райской Гиперборее писал посему Плиний Старший: «Страна эта находится *вся на солнце*, с благодатным климатом; там неизвестны раздоры и всякие болезни...» («Естественная история», IV, 26; курсив наш).

5 Речь ребенка не знает условностей как смысл прямой без иного ему. В своей книжке «От двух до пяти» рек Чуковский:

...период языкового развития, когда дети начинают примиряться с метафоричностью наших «взрослых» речей (...), насколько мне удалось заметить, у нормальных детей начинается на шестом году жизни (Шесть — число време|н|и, брения — Авт.) и заканчивается на восьмом или девятом. А у трехлетних и четырехлетних детей такой привычки нет и в зародыше. Логика этих рационалистов всегда беспощадна. Их правила не знают исключений. Всякая словесная вольность кажется им своеволием.

Скажешь, например, в разговоре:

— Я этому до смерти рад.

И услышишь укоризненный вопрос:

— Почему же ты не умираешь?

(.....)

Бабушка сказала при внучке:

— А дождь так и жарит с утра.

Внучка, четырехлетняя Таня, тотчас же стала внушать ей учительным голосом:

— Дождь не жарит, а просто падает с неба. А ты жарить котлету мне.

Дети вообще буквалисты. Каждое слово имеет для них лишь один-единственный, прямой и отчетливый смысл — и не только слово, но порою целая фраза, и, когда, например, отец говорит угрожающе: «Покричи у меня еще!» — сын принимает эту угрозу за просьбу и добросовестно усиливает крик.

— Черт знает что творится у нас в магазине, — сказала продавщица, вернувшись с работы.

— Что же там творится? — спросил я.

Ее сын, лет пяти, ответил наставительно:

— Вам же сказали, что черт знает, а мама разве черт? Она не знает.

(.....)

Свежесть реакций ребенка на взрослую речь сказывается именно в том, что каждую нашу идиому дети воспринимают буквально.

— С тобой голову потеряешь, ей-богу! — говорит, например, сердитая мать.

— Со мною не потеряешь: найду — подниму.

Про какого-то доктора большие говорили в присутствии Мити, что денег у него куры не клюют. Когда Митю привели к этому богатому доктору, он, конечно, сейчас же спросил:

— А где у тебя твои куры?

Для взрослых всякая такая реализация метафоры является, конечно, сюрпризом. Тот, кто сказал про старуху, будто она «собаку съела», даже не заметил, что упомянул о собаке. Тот, кто сказал о сварливых супругах, будто они «живут на ножках», не заметил в своей речи ножей. Тот, кто говорил про богатого доктора, будто куры не клюют его денег, ни на минуту не подумал о курах. В том и заключается огромная экономия наших умственных сил, что, оперируя готовыми штампами речи, мы почти никогда не вникаем в их изначальный смысл. Но там, где для нас — привычные комбинации примелькавшихся слов, стертых от многолетнего вращения в мозгу и потому уже не ощущаемых нами, для ребенка — первозданная речь, где каждое слово еще ощутимо.

(выделения в тексте – мои)

Смысл прямой, детской речи основа — сама Простота, сущих Твердь, коей крепок любой. Иисус, Пастырь наш, звавший нас «быть как дети» — о ней рек. Сказал Пастер|нак так:

Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той,
Что невозможно, их изведав,
Не кончить полной немотой.

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслышанную простоту.

Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим.
Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.

6 В истории миропознания как стези мира сего Аристотель есть автор понятия «переносный смысл» — мета|форы как сноса Истины (Цели, Меты бранных нас), коей есть смысл прямой, в нуль: Ума муж, опершийся на пустоту; само слово «метафора» — термин его. Воланд, рекший, что свежесть второй не бывает — о смысле прямом, первом рек; переносный, второй — есть ничто. Аристотель трудами презрел Пара|М|пару, учительства Божию цепь, о Платоне, учителе своем, писавший темно «некоторые утверждают».

7 Власть Дьявола — в сути есть Божия власть. И хотя Сатана говорит о себе Иисусу: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее» (Лук. 4:6), — он, князь мира сего, лжет: последняя, высшая власть — Бог, Царь Мира. Ложь князя вскрывает Мессия в словах Своих к фарисеям: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоан. 8:44).

8 Касаемый всех атрибутов деяния и восприятия, в Ведах зовущихся ин|дриями. К ним относятся: пять воспринимающих — глаз, ухо, нос, кожа, язык; и пять действующих, обращенных вовне — пищеварительный, две пары двигательных, речевой и детородный. Полное число индрий, 10, согласно Декаде, числу мировому; по сумме ж своей — единице, в которую десять сих плющит страдательный плен.

9 Небо (греч.). Промышленьем Творца, имя это металлу дано, что нам — лик топки адской как Неба лишенность, У|рон.

Приложения

Приложение 1

О САКРАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ, СТЕЗЕ ТРУДА

Сакральная лингвистика¹ — наука добытия Знания чрез Корень речи нашей, Луну: Речь и Знание — одно. Метод к этому — жом: Вакхов труд, как из я'God'ы сок, из Луны выжать Мир, Поле-Путь наши (линг'VIS'тика брeнная — жом же, но — т|айн|ый в незнании Лун|ы как Оплота его). Жом сей — суть Элевсиний, начальных Эллад|е; ма|й|ев|тикой, помощью нам ро|дит|ь Суть (ро|жать — жать: плод из чрес|л), его дал нам Сок|Ра|т, по VIT'ухи дит|я, Тьмой VIS'ок|о|е. Им жал да Ви|н|чи, да|ви|льщик Ви|н|а, Знания жа|жду|щ. Воз|в|Ра|т жома, труд мой — я|вь Мира в очах: Син|и, Неба в Луне, бог чей Син, а во|жат|ый — Фе|б, путь к ней х|Ра|нящий вит|ой².

Положенья сакральной лингвистики:

- 1) Речь есть река³, что течет из Луны, Мены (греч.), коя есть Нереченное Слово: Бог — в Т|айн|е Своей, в Яви — Мир, Плод Его: Благо, Истина (Атеп (лат.)), Жизнь: **...AMEN|AMEN...**. Капля всякая в реке сей — слово, Луна в устах: Мена, Луна, как детей мать родит и|мена (name (англ.)): **...NAME|NAME...**
- 2) Ступени рожденья реки этой: Бог, Тайна Речи → Луна, Речи Явь → Дионис, Луны Сын, Син аккадский → поэзия как трагедия → проза как ко|мед|ия → стихия речи от древней поры до дней сих.
- 3) Имена — се|мена Божьи: лики Вселен|ной, Семи; сеять их на Синае велел Бог гонцу своему в сердцах наших как Целое в части своей: МОИ — СЕЙ!
- 4) Выход слова из Тайны как Лона в мир сей, иль рожденье его — не с|лож|енье кусков тьмой времен, действо Зла, но мгновенный и полный исход из Лун|ы (лик чей Вак, Логос-Мать): от Воды — ее капель, Воды ж, — как творец частиц в физике Вак|уум, Лоно и Поприще их. Жизнь, Луна — Миг без времени, Вечный. С тем, слово, Луны капля — Новь: чистый Миг, Корень времен без времен.
- 5) Познать слово нельзя посему чрез генезис: у слова — истории нет как иного ему, тьмы — Огню в своей искре; история слова — есть слово само в миг звучанья у нас на устах. Так познать человека — не паспорт прочесть, времён свиток, но душу его: Миг (Луну, Жизнь) как Суть, иск|рой чьей есть она⁴.
- 6) Речь звучащая — явная мысль, мысль — речь тайная⁵. В Луне, Тьме-Моз'ге речь явная с тайной, мен|тальной — одно. Ду|ма, Мысль — Да|ма, Ма|ть (Moz|her — англ.) сущих, лик чей Луна.
- 7) Состав наш — Мир, Вселенная сущих; Состав Мира — Бог. С тем, из Них состоя — из Луны состоим как Истока людей⁶, с тем — из Речи: мы то, что речем. Ибо капли состав — Океан, неделимый как Корень ее.
- 8) Познать Бога и Мир как Себ|Я Самое, дело главное нам (к нему звал нас Оракул, глас Дел|ьф, с ним — Сократ) — есть Луну познать чрез речь свою. Слова Суть есть Луна, В|иноград|ина, в коей скрыт Мир, Иноград с Богом в нем, как в Селе|н|е В|селен|ная истинна (мир зримый — тень ее); выжать его из Луны — познать как Суть свою.
- 9) Корень слова не часть его, как мнят, но слово само в полноте — без изъ|янов Луна, чье деленье к Познанию условно: не внешне, на части отдельные — Вглубь: к части от целого без розни их.
- 10) Как нет в мире меча без бойца, дня без ночи — так нет и деления слов без именуемых делить. Делить им — есть слова разделять без разъятья: любовию к ним как Ум Сердца, Луны, при ней сущий как Муж при Жене — Сын при Матери, Брат при Сестре. Старший делящих сих — Феб, Луны Сын и Брат⁷. Разделенье любовное их — Сердцем точно кин|жал|ом, но|жом — и есть жом, метод мой.

Моя книга — явь принципов сих.

Очи книги моей — Мифа очи. Миф — Мир, сущих Жизнь, очам брeнным не зримый как Целое — части пустой. Мир, иль Миф, есть всему Дока|зательство: следствия — Прич|иною, Этого — Тем, части — Цельм как розни — Ед|иным, Земли — Луной. Мир, Пред|мет наш, до|Саис|ать, Оч'|ЕУ'|идность глаз зрячих — дойти сердцем нам до Саис'ы, Луны, сердцем к Сердцу припасть. Зреть Мир Мифа очами — зреть Миру, В|селен|ной себя: По|лно|сть — очми ее ж чрез согласную часть как Лун|ю|ю Луну.

¹ Словарь Даля трактует филологию (греч. любословие) как изучение мертвых, древних языков, тогда как лингвистика — наука о языках живых, нынешних. Помня, что мертвое, сиречь Иное, тождественно сфере сакрального, нам корневой, — смысл понятия «сакральная лингвистика» есть лингвистика и филология разом: Мир целостный, Это-и-То, всеживое как Жизнь.

2 Стезя Локсия, миром он прозван «улиткой Шаргея».

3 Чем искуснее речь, тем ясней зрима в ней ее текучая, сиречь речная, природа. «А как речь-то говорит, // Словно реченька журчит», — читаем у Пушкина в «Сказке о царе Салтане». Речь — река; «я реку» — есть «словами теку — Смысла ради»: Луны, Архетипа с LOVE'с: тела Божьей Любви. Ею сущ че LOVE'к! Любовь есть LOVE'ц, с ЛОВом нас, бранных, ловящий как сетью своей.

4 Рек о том Августин: «В тебе, душа моя, измеряю я время. (...) Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее [т.е. согласное Мигу, душе — Авт.], я измеряю, а не то, что прошло и его оставило».

5 Звучащая речь и мысль, речь безмолвная, находятся в том же соотношении, что и свет, Духа явь, с гра VITA'цией, Тайной его: то и то — Огонь един.

6 Народ первый, сошедший на землю с Луны — Скифы; язык их — Земле начальный, с санскритом, вторым за ним, соотносимый как Ноль с Единицею, Сердце с Умом.

7 Луна есть и Латона, мать Фебова, и Артемида, сестра его.

4 Рек о том Августин: «В тебе, душа моя, измеряю я время. (...) Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее [т.е. согласное Мигу, душе — Авт.], я измеряю, а не то, что прошло и его оставило».

5 Звучащая речь и мысль, речь безмолвная, находятся в том же соотношении, что и свет, Духа явь, с гра VITA'цией, Тайной его: то и то — Огонь един.

6 Народ первый, сошедший на землю с Луны — Скифы; язык их — Земле начальный, с санскритом, вторым за ним, соотносимый как Ноль с Единицею, Сердце с Умом.

7 Луна есть и Латона, мать Фебова, и Артемида, сестра его.

МИР ДО КАПЛИ. НАУКА СОКРАТА ТОРЖЕСТВУЕТ

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. (...) Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

Иоан. 1 : 1, 3, 4

Создать Теорию Поля — Вселенной, творения Бога — в опоре на физику невозможно: дитя Аристотеля, физика — наука части, не зрящая Целого. Сосуд Всего, Полноты — Слово, Божья Лоза: лоно, выжать отколе Мир учит майевтика, сила Сократова. Ею, как прессом давальным, явлю я сей Клад: Мир живой, Сердце вечное — бренью, Уму.

Здравый ум видит: речь — сосуд смысла. Английское in-for|ma-tion, «сущее в форме», сосуде — и есть смысл: мощь слов, дух в плоти.

Слово, имя — звучит, смысл — молчит как сей ягоды сок. Его ждем мы вовне дланью Вакха. Любой, живя, да[^]VIT слова, ища смысл; без сей пи^ищи, столпа своего, мир глаз тотчас бы сгинул. Ведь **смысл в корне — Истина, Смысл смыслов и Пища пищ сущих: Causa, Каша**¹, чье Ма|сло — Ма|ть та ж (очам бранным Одно — Д|вой|ка). Знак, sel|ma (греч.), ей покровный — суть Жизнь, Сем|я сущего, Сем|я: Плод, что знали Сем|я Мудрых. Его, Сок Всевышнего, Ра, Солнца всех, — духом тверд, из умов жал Сок|Ра|т как из чр|ева дитя по[^]VIVA[^]льным искусством, ма|й|ев|тикой. Мудростью сей про ввод Истины в бренье, дом наш, стезей Фе|ба кривой² (повивать — вить ее) учил он обретать Тайну эту чрез **жом, Сёрдца пресс: Бог, давимый из слов Им самим. Вот те|ории истинной суть: встреча с Богом; фе|б|рия** (Т = Ф) — Фе|ба шествье на Дело|с, дом Матери, Лето: к Лу|не (ибо Лето, Лато|н|а — она), где Создатель живет³.

*С ней едины Сократ и П|латон. Родились оба в таргелион, месяц рождения А|поллона и Артемиды, из коих один есть мужской аспект Луны: ум, что Сердцем сим полон; второй — женский: **Сердце само: не часть — Полноты** (с тем, Древними зван Аполлон Артемидом: часть — Всем как Женой Муж). Со|дон, корнь Платона — со-Лон|ный: с Лун|юю согласный. Муд|рей|шим из Греков Сократа признал Аполлонов Оракул. От Феба — отсрочка Сократовой казни на месяц. Приход и уход его в бренье прилились на дни Феба; и вся жизнь Сократа меж парой сей, рек он, была посвящена нравственному очищению Афин чрез служение Фебу на поприще Муз.*

Сл|ово, я[^]Go|d[^]а — ово, яйцо (лат.): под коркой Я, Бог, Го|лов|а Мира; слово — Христос, вер|а наша (ver|ba|lis — словесный (лат.)), лик чей — вер|ба; слов|о — Лов, закон (law — англ.) сущих: го|н S[^]law[^]ы, Причины охота (o[^]Go|tt[^]а) на нас, ту|лову|щ, что своею мним мы⁴, Сёрдца в речи. **LOVE**[^]ц — оно, Дичь нам: не мы из s[^]LOVE[^]с ждем его, но оно себя нашей рукой⁵, как рукой по[^]VIT[^]ухи — себя плод из лона. Сердце — Милость, Ум — Суд; Сердце лепит, Ум, в Сердце причины не зря своей — мелет-крушит: как Зенона — Не|арх, как Сократа — Мелет, злой завистник. Путь Истины к нам как Себя — путь в Се|б|Я наш, к|Ра|тчайший, вел коим Сократ, Сократ|итель пути, древним вслед Бога чтя как **Ближайшее нам: в устах — слово, в груди — сердце, в небе — Луну.**

Дио|нис и Хри|сто|с — одно: Слово, Лоза⁶; тот и тот — Луны сын: Хри, Причина — она; претворение воды в вино, Христа чудо — и Вакхово есть. С тем, Сократ, Вакху люб (посему — схож с Силе|ном⁷), — как Сердце, един со Христом: Рождеством (укр. Різ|дво: на два рез) Христос делит истории ось пополам, а Сократ — философии ось. Оба — Тьма, оба — Серд|це они: Мать-Луна в ликах сих. Силой Лунной был Сын воскрешен; Силой той же — Сократ был с Платоном сведен в Вакхов день у театра его, и от смерти храним — ею был (яд не мог он принять, пока шел корабль с Делоса), ею — и взят: яд ци|куты как Суть — Ци, Луна.

* * *

Жом, искусство Сократа, угас в тьме веков; втайне пользуясь им, в яви глаз мы не знаем его. С тем, живя — не зрим Жизни; корой имен скрытая, Истина — тайна глаз бранных, пустых Пустота.

Открытие моей книги кладет конец этому бедствию. Определив жом как метод, я во всеоружьи его, выжав речь, явил Истину Божью: **Луну как Столп наш: Бога трон, ось вселенной очей людских.** Ею держим мир, о ней шепчет речь. Так **не средствами физики, как ждал мир, — средствами речи создал я Теорию Поля, Вселенной**, стезей чьей идем к Богу мы: к Любви, Сути — покров, че' **LOVE**'к. Слово, и|меч|ко — Меч: Сила, Ма|ть; и|мена сущи — глубию свою **Луна, Мэна**, Имя Господне как **Вак**, Речь: Ть|ма, **Вак|са**, менá|д Мать и **Вак|ха**, **Без|мо|лвье** (silen|tium — лат.) ушам тьмы, в гр|уд|и левое нашей, д|верь Жизнь пр|и|мен|ять. Л' **UNO**'й, Сутью, бере|мен любой. Цен|тр очей, она — Ма|n|a|g|ler наш, Дух наг|ой; Бога дом, то — Любовь, Сила сущих, от горестей Им' **MOON**'итет. Схож с Силе|ном, Селе|ной силён был Сократ, зная жом, вина зéлен|а к|ран. Жом изведав, познаём мы тайну ее.

¹ Эфир, огонь Тьмы тайный — а|каша отсель; Лоном сим — одно|каш|ники мы.

² Прямизна горня — бренью крива как бог сей, лжец глаз лживых, чей месяц — фе|в|раль: Феб-враль, лжец. Так улитка Шар|гея — прямая к Луне, ступал коей в речах, глухим долгих, Сократ, Сократ|итель Пути. *Прямизна с кривизною как Вечность и бренья — Одно, Божий Мир.* Рек о том Гераклит: «Путь ваяльного винта, прямой и кривой, — один и тот же».

³ Феория, посольство Эллинов на Делос, родину Аполлона, в честь дня его рождения — в исконом значении имени есть «созерцание» и «слияние с Вечностью».

⁴ По Кастанеде, идущий путем Зна|нья (Сна — оку бренному, спящему), во|ин — охотник на Дух волей Духа, Ловца ловом сим на него.

⁵ Ма|ть Истина, Я наше втайне, Мо|тор бренных рук — корнь май|ев|тики Май|я: иллюзия (санскр.), Мать глаз злых, как Ум Сердце, Единство как рознь. Отсель Майя в дни древни — народ Тьмы-Войны: сердцевяд, с ходом лет душу съевший свою.

⁶ Речено Иисусом же: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Иоан. 15:5).

⁷ Наставник и спутник Диониса. Сын Гер|мес|а иль Пана, Силен — Луны явь, Сути их.

Ермаков Олег Владимирович

Биографическая справка

Родился в 1961 году в г. Мичуринске Тамбовской области (Россия), там же окончил среднюю школу. В школьные годы – победитель VII Всесоюзного конкурса школьных сочинений в жанре очерка (1975). Окончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко по специальности «химия» (1983). Около 10 лет работал в химической отрасли Украины, далее – в журналистике, пройдя путь от репортера до главного редактора всеукраинского журнала. Автор ряда изобретений и цикла трудов о Вселенной, работу над главным из которых, «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», вел в течение 22 лет (1987–2009). Автор стихотворного сборника «Сила Любви» (2001), профессиональный художник-карикатурист.

Исследование Вселенной – мое основное занятие. Предаюсь ему со студенческой скамьи и считаю его наследственным: моя бабушка Надежда Зарецкая – конструктор антенного блока первого искусственного спутника Земли, запуск которого ознаменовал начало космической эры человечества, автор ряда изобретений в области ракетно-космической техники, а муж Надежды Георгиевны и мой дед Михаил Мамонтович Зарецкий – брат Нины Ивановны, жены С.П. Королева, в КБ которого в подмосковных Подлипках бабушка проработала до пенсии. Покоряя Вселенную, в те скудные на житейские блага времена она, бесконечно влюбленная в Землю, страстно мечтала обзавестись ее клочком, чтобы посадить на нем сад. Мечта ее сбылась: хлопотами Сергея Павловича талантливая дочь России получила участок, где вырастила чудесный сад и построила дом для большого семейства.

Женат, имею взрослого сына и двоих внуков.
В настоящее время живу в Киеве.

Телефоны в Киеве:

+ 38 (066) 561-21-20, + 38 (044) 533-12-20

E-mail: hermakouti@ukr.net

Skype: [martin196966](https://www.skype.com/name/martin196966)

Личный сайт, посвященный работе «Планета Любовь»:

<http://www.ivals61.narod.ru>

